

На правах рукописи

Янг Сын Чжо

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ В КОНЦЕ XIX –
НАЧАЛЕ XX ВВ. (1880-1905 ГГ.) (ПО МАТЕРИАЛАМ СТАТИСТИКИ
ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНЫХ ГУБЕРНИЙ – ВОРОНЕЖСКОЙ И
ТАМБОВСКОЙ)**

Специальность 07.00.02 – отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2008

Работа выполнена на кафедре истории России XIX – начала XX вв. исторического факультета Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Федоров Владимир Александрович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Степанов Валерий Леонидович
(Институт экономики РАН)

кандидат исторических наук
Христофоров Игорь Анатольевич
(Институт российской истории РАН)

Ведущая организация: Воронежский государственный университет

Защита состоится «16» сентября 2008 года в 16:00 часов на заседании диссертационного совета Д-501.001.72 по отечественной истории при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, Ломоносовский пр., д. 27, корп. 4, 1-й учебный корпус, ауд. А 416.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. А.М.Горького (119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов).

Автореферат разослан «__» _____ 2008 года

Ученый секретарь
Диссертационного Совета,
Доктор исторических наук, доцент

Г.Р. Наумова

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Проблема, как определять крестьянское общество России конца XIX – начала XX вв. активно обсуждается не только в бывших советских и российских, но и западных научных кругах, потому что понять социально-экономическую структуру России этого периода важно в связи и с реформами после 1861 г., и с Октябрьской революцией 1917 г. Несмотря на то, что в конце XIX века в России промышленность быстро развивалась, Россия в основном была сельскохозяйственной страной. Даже в конце XIX в. городское население составляло не больше трех десятых всего населения – по данным переписи 1897 г., крестьяне составляли 77,1% населения во всей империи и 84,2% населения европейской территории России¹ –, и число служащих, работавших в сфере промышленности, было почти такое же.

Современная литература по-разному оценивает ситуацию в российской деревне конца XIX – начала XX вв., т.е. периода капиталистической индустриализации. До конца 1980-х гг., в советское время, изучение крестьянства, в основном, было ориентировано на раскрытие капитализации деревни и аргументацию дифференциации крестьянства. В этих исследованиях утверждалось, что экономическое положение большинства крестьян было неудовлетворительно, часть из них поддерживала свое хозяйство более или менее стабильно, и лишь некоторые успешно управляли хозяйством по капиталистическому методу. Что касается западных исследователей, то до 1980-х гг., несмотря на отличие идеологии, основной взгляд на крестьянство пореформенной России был отрицательным. Они также считали, что для крестьян период индустриализации является процессом обеднения.

После распада Советского Союза в научных кругах, и в частности, историков России происходит много перемен. Сегодняшний научный круг историков России стремится идти по разным направлениям. С одной стороны, ряд ученых продолжает исследовать ситуацию в деревне традиционным методом. А с другой, - есть историки, далекие от марксистских взглядов, которые иначе описывают истории России и проводят исследования другими методами, которые не могли использоваться во время существования Советского Союза. С одной стороны, они пользуются западными методологиями и исследованиями, которые стали появляться с 1980-х гг. и, с другой, критикуют «старые» советские взгляды.

Таким образом, дискуссия о крестьянстве периода индустриализации еще не закрыта, а, наоборот, более активно продолжается. С одной стороны, ученые,

---

¹ Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 Января 1897 года. СПб., 1905. Т. 1. С. 1, 161.

принимающие новые взгляды, используют новые методы, такие как “антропометрический подход”, указывают на недостатки советского подхода к рассматриваемой проблеме.² С другой стороны, историки, прочно стоящие на старых позициях, сомневаются в новых методах и критикуют их как “розыгрыш читателя”.³ Однако, для того, чтобы расширять спектр тем исследования в этой области, нам нужно проводить новые исследования. Кроме того, исследования сельского хозяйства России периода индустриализации должно продолжаться не в конфронтации с предыдущими исследованиями, а, напротив, на основе всего накопленного ранее опыта. В этом заключается актуальность данной темы.

Объект исследования. Объектом данной работы является социально-имущественное положение крестьян, для большинства которых хозяйственное положение ухудшалось из-за сокращения численности семей (сокращения рабочих рук) и сокращения земельного фонда. Несмотря на изменение обстоятельств, происшедших от развития товарно-денежных отношений в экономике и развития промышленности, они соблюдали традиционные агрокультурные методы.

Предмет исследования составляет хозяйственное положение крестьян. Однако для того, чтобы полно и объективно отобразить социально-экономическую структуру крестьянства, нужно рассмотреть полную картину хозяйственных сфер различных сословий. В итоге, предметом исследования является не только хозяйственное положение крестьян, но и других сословий.

Хронологические рамки данной работы охватывают период с 1880 по 1905 г. Выбор периода объясняется тем, что он является наиболее ярким в истории индустриализации Имперской России. Как говорит английский историк А. Герценкрон (A. Gerschenkron), в эти годы в области промышленности Россия сделала “большой рывок (Great spurt)”.⁴ В связи с этим и реформами после 1861 г., повседневная жизнь крестьян структурно изменилась.

Однако с 1906 г. создается новая атмосфера в жизни деревни. В ходе революции 1905-1907 годов в структуре землевладения произошли серьезные изменения, вызванные проведением новой аграрной политики П.А. Столыпина. Кроме того, с 1905 по 1907 г. произошел экономический кризис, причинами

---

² Например, см.: *Миронов Б.Н.* Антропометрическая история России XVIII-XX веков: Теория, методика, источники, первые результаты // Труды института Российской истории. М.: Наука, 1997. Вып. 5. С. 173–205; *он же.* Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю. Витте и благосостояние населения в 1890-1905 гг. по антропометрическим данным // Экономическая история: Ежегодник. 2001. М.: РОССПЭН, 2002. С. 418–427.

³ *Ананьич Б.В.* Заметки по поводу статьи Б.Н. Миронова «Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С.Ю. Витте и благосостояние населения в 1890-1905 гг. по антропометрическим данным» // Экономическая история: Ежегодник. 2002. М.: РОССПЭН, 2003. С. 611–613.

⁴ См.: *Gerschenkron, A.* Agrarian policies and industrialization: Russia 1861-1917. The Cambridge economic history of Europe. Cambridge: Cambridge uni. press, 1978. Vol. VII, pt. 2. С. 706–800.

которого послужили Первая Российская революция и Русско-японская война.

Территориальные рамки исследования определяются размерами Воронежской и Тамбовской губерний по состоянию на 1880-1905 гг. Выбор региона обусловлен тем, что именно в Воронежской и Тамбовской губерниях Центрально-черноземного района, где была сосредоточена основная масса крестьян, аграрный вопрос стоял особенно остро.

Цель работы состоит в выявлении хозяйственного положения крестьян в рамках социально-экономического развития пореформенной деревни и возможности их классификации.

Основные задачи, которые необходимо было решить для достижения этой цели:

- во-первых, показать историко-географическое положение и демографическое движение в изучаемых регионах, на основе которых осуществлялась социально-экономическая деятельность крестьян.

- во-вторых, проанализировать в первую очередь экономическую структуру крестьянского хозяйства, а также хозяйств и других сословий по традиционным методам.

- в-третьих, продемонстрировать реальное положение крестьянства и классифицировать его.

Научная новизна работы определяется попыткой постановки вопроса об иерархии факторов и предпосылок обстоятельств жизни крестьян в деревне, а также стремлением восполнить пробел в историографии проблемы, связанный с определенной переоценкой и недооценкой исследователями всей сложности вопроса классификации российской деревни в конце XIX – начале XX вв.

Методология исследования. В данной работе руководящим является принцип научной объективности. Автор пытался анализировать статистические и архивные материалы и воссоздать полную картину крестьянского хозяйства в Черноземных районах в конце XIX – начале XX вв. без идейно-политической предвзятости. Тем не менее, должен признать, что на исследование влияют два основных принципа. Одним из них является диалектический метод познания и связанные с ним принципы критического анализа источников.

Кроме того, автором принимались в расчет идеи французской школы «Анналов», которые послужили обоснованием важности изучения конкретного человека и малых социальных групп. Один из ведущих авторов «Анналов», Ф. Бродель формирует концепцию “совершенно новой истории”, которую он называл “глобальной”, или “тотальной”, (то есть, всеобъемлющей) историей, “чьи пределы расширяются настолько, что охватят все науки о человеке, всю их совокупность и универсальность”⁵. Несмотря на то, что завершение тотальной

---

⁵ Бродель Ф. Свидетельство историка // Французский ежегодник. 1982. М., 1984. С. 174.

истории оказалось невозможно, их богатые традиции изучения экономической и социальной истории имеют влияние не только на историческую науку, но и на другие социальные науки.

В основе этих двух методов, вместе с другими познавательными основными принципами, т.е. объективностью, историзмом и последовательностью, в работе использовалось сочетание макро-, т.е. фундаментальных, мезо- и микро-уровневых подходов.

Источниковая база. Основой данной работы выступают статистические сборники, которые условно делятся на шесть групп.

Первая группа источников представлена статистическими сборниками, касающимися народонаселения России с середины XIX до начала XX вв.⁶

Вторую группу источников составляют данные статистики, касающиеся крестьянского и частновладельческого землевладения.⁷

Третью группу – статистики, касающиеся владения скотом, главным образом, лошадьми.⁸

---

⁶ Статистические таблицы Российской Империи, за 1856-й год, составленные и изданные, по распоряжению Министра внутренних дел, Статистическим Отделом Центрального статистического Комитета. СПб., 1858; Журнал министерства внутренних дел. СПб., 1860. Ч. 42. май; Статистические таблицы Российской Империи, издаваемые, по распоряжению Министра внутренних дел, Центральным статистическим комитетом. Выпуск второй. Наличное население Империи за 1858 год. (С картою населенности Европейской России) / Ред. А. Бущина. СПб., 1863; *Троиницкий А.* Крепостное население в России, по 10-й народной переписи. СПб., 1861; Статистический временник Российской Империи. Серия II. Выпуск первый. Наличное население империи за 1867 г. СПб., 1871; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел / Под ред. Н.А. Троиницкого. IX. Воронежская губерния. Тетр. 1. СПб., 1901; Тетр. 2. (последняя). СПб., 1904; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел / Под ред. Н.А. Троиницкого. СПб., 1899. XLII. Тамбовская губерния. 1904.

⁷ Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. По данным обследования, произведенного статистическими учреждениями Министерства внутренних дел, по поручению статистического совета. СПб.: Издание ЦСК, 1880. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области; Статистика Российской империи. XXII. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1896. Вып. IX. Воронежская губерния; Статистика Российской империи. XXII. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1896. Вып. XLII. Тамбовская губерния; Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып. 5. Воронежская губерния; Статистика землевладения 1905 год. СПб., 1906. Вып. 20. Тамбовская губерния.

⁸ Статистика Российской Империи. XX. Военно-конская перепись 1888 года / Под редакцию А. Сырнева. СПб., 1891; Статистика Российской Империи. XXXVII. Военно-конская перепись 1893 и 1894 гг. / Под редакцию А. Сырнева. СПб., 1896; Статистика Российской Империи. LV. Военно-конская перепись 1899-1901 гг. / Под редакцию А. Сырнева. СПб., 1902; Статистика Российской Империи. LXV. Военно-конская перепись 1905 года. СПб., 1907; Временник Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел. № 50. Сведения о количестве скота в 1900 году по данным волостных правлений и уездной полиции. СПб.: Издание Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел, 1901.

Четвертую группу – статистические ежегодники.⁹

Пятую группу – статистические сведения и земские статистики.¹⁰

Особое внимание уделено работе Ф.А. Щербины «Крестьянские бюджеты». Ф.А. Щербина попытался проследить, как влияло наделение крестьян землей на их семейный уклад. Определенный интерес для нас представляют сведения о крестьянских бюджетах, сведения о доходах и расходах в крестьянских семьях. Кроме того, для нас также очень важны статистические сведения о количестве членов семьи, земли и скота, приходящегося на крестьянскую семью. Так как эти сведения заметно дифференцированы в зависимости от зажиточности крестьян, они позволяют сделать сравнительный анализ обычного порядка жизни, характерного для семей высокого, среднего и низкого материального достатка.

Шестую группу источников составили статистические материалы, опубликованные в 1920-х гг.¹¹ Для них характерно обобщение материалов, которые были изданы ЦСК МВД и земскими учреждениями в конце XIX – начале XX вв.

Кроме статистических материалов, в исследовании использовались литературные и архивные источники. Для понимания состояния сельского хозяйства и географических особенностей черноземных губерний в XVII и XVIII вв. изучены и максимально использованы материалы наблюдений С.Г.

---

⁹ Статистический временник Российской Империи. Серия I. СПб., 1866; Сборник сведений по Европейской России за 1882 год. СПб., Типография Министерства внутренних дел, 1884; Статистический временник Российской Империи. Серия III. СПб.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1886. Вып. 8. Сборник сведений по Европейской России за 1883 год; Статистика Российской Империи. I. Сборник сведений по России за 1884-1885 гг. СПб.: Центральный Статистический Комитет Министерства Внутренних Дел, 1887; Статистика Российской Империи. X. Сборник сведений по России, 1890. СПб., Центральный Статистический Комитет Министерства Внутренних Дел, 1890; Статистика Российской Империи. XL. Сборник сведений по России, 1896. СПб.: Центральный Статистический Комитет Министерства Внутренних Дел, 1897; Ежегодник России 1904. (Год первый). СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1905; Ежегодник России 1905. (Год второй). СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1906.

¹⁰ Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Воронеж: Издание Воронежского губернского земства, 1884. Т. I. Воронежский уезд; Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Статистические материалы подворной переписи по губернии и обзор материалов, способов по собиранию их и приемов по разработке. Воронеж, 1897; Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Тамбов: Издание Тамбовского губернского земства, 1880. Т. I. Борисоглебский уезд; Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Тамбов: Издание Тамбовского губернского земства, 1884. Т. VII. Елатомский уезд; Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Тамбов, 1890. Т. 14. Краткий свод данных о крестьянском населении, землевладении и хозяйстве по всей губернии; *Щербина Ф.А.* Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900.

¹¹ Свод урожайных сведений за годы 1883-1915 (Материалы центрального статистического комитета по урожаям на наделных землях). М.: Издание ЦСУ СССР, 1928; Земские подворные переписи 1880-1913. Поуездные итоги / Сост. З.М. и Н.А. Свавицкие. М.: Издание ЦСУ СССР, 1926.

Гмелина и Л.Б. Вейнберга.¹² Для получения материалов об административных изменениях в Воронежской и Тамбовской губ. в середине XIX в. нам пришлось опираться на статистический временник Российской империи.¹³ О неурожае и голоде 1891 г. ценную информацию дает «Неурожай и народное бедствие».¹⁴ Проанализировав данные правительственной статистики и земельных учреждений, Ю.Э. Янсон подтверждает минимальный размер душевого надела, необходимый для нормальной жизни и хозяйственной деятельности средней крестьянской семьи.¹⁵ Из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) привлекаются донесения жандармских полицейских офицеров в департамент исполнительной полиции, где есть факты отношения крестьян к реформам правительства, о различных формах проявления крестьянского недовольства.¹⁶

Историография. Изучение проблем аграрной истории России конца XIX – начала XX вв. прошло несколько этапов. Нередко первым исследователем становился сам земский статистик.¹⁷ Опубликованные сводки земских подворных переписей являются одним из обширных комплексов источников по данной теме. Всего за период с 1880-х по 1913 г. земствами были изданы материалы обследований более 300 уездов России.

Материалы земской статистики в той или иной мере использовались в большинстве трудов конца XIX – начала XX столетий, посвященных проблемам аграрного развития пореформенной России. Поворот в народнической литературе от публицистики к конкретным исследованиям, основанным на массовых статистических источниках, вызвал целую волну работ, в которых анализировались экономические возможности различных типов крестьянских хозяйства, пути его эволюции, характер аграрного строя России, предлагались

---

¹² Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 1. Путешествие из Санктпетербурга до Черкаска, главного города Донских козаков в 1768 и 1769 годах. Пер. с нем. СПб., 1771; Материалы по истории Воронежской и соседних губерний / Собр. и изд. членом-секретарем Воронежского губернского Статистического Комитета Л.Б. Вейнбергом. Воронеж: Типо-Литография Губернского Правления, 1889. Вып. XV. Акты XVII и XVIII столет.

¹³ Статистический временник Российской Империи. Серия III. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1887. Выпуск 19. Указатель изменений в распределении административных единиц и границ Империи с 1860 по 1887 гг.

¹⁴ Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892.

¹⁵ Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. С приложением «Очерка правительственных мер по переселению крестьян после издания Положения 19 февраля 1861 года». Изд. 2-е. СПб., 1881.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел. 1880-1917; Ф. 109. Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии. 1826-1880.

¹⁷ Баскин Г.И. Дифференциация и типы крестьянского хозяйства // Сборник избранных трудов Г.И. Баскина по Самарской губернии: Юбилейное издание. Самара, 1925. Вып. IV. С. 61–131; Воробьев К.Я. Аграрный вопрос в Симбирской губернии. Симбирск, 1917; Постников В.Е. Южно-русское крестьянское хозяйство. М., 1891; и др.

проекты решения аграрного вопроса.¹⁸

Отправной точкой значительной части этих работ стала теория некапиталистического пути развития. Приверженцы этой теории считали, что Маркс был не прав, когда проводил аналогии между обрабатывающей промышленностью и сельским хозяйством. "... Мелкокрестьянские хозяйства в огромной своей массе не вытесняются совершенно и не заменяются крупнокапиталистическими и помещичьими..." – писал, например, С.Л. Маслов.¹⁹ Эти исследователи полагали, что Россия может достигнуть социалистического этапа без прохождения капиталистической фазы, если активизируется деятельность крестьянских хозяйств.

Эта точка зрения решительно критиковалась В.И. Лениным. В «Развитии капитализма в России» он утверждал, что Россия уже вошла в капиталистическую стадию, и в результате этого крестьянское хозяйство тоже включилось в экономический строй капитализма. Общественно-экономические отношения в деревне указывают на "наличность всех тех противоречий, которые свойственны всякому товарному хозяйству и всякому капитализму: конкуренцию, борьбу за хозяйственную самостоятельность, перебивание земли (покупаемой и арендуемой), сосредоточение производства в руках меньшинства, выталкивание большинства в ряды пролетариата, эксплуатацию его со стороны меньшинства торговым капиталом и наймом батраков"²⁰. Поэтому это народническое мнение, считал В.Л. Ленин, неправильно отражает тогдашнее положение крестьян при царизме. В русской деревне XIX в., писал он, крестьянство расслаивается и развивается капиталистическое сельское хозяйство. А также начинается превращение крестьян в пролетариат, т.е. в крестьян-рабочих.²¹

В 1920-е годы советские историки пытались защищать ленинские взгляды на пореформенную историю крестьянства и на развитие капитализма в сельском хозяйстве России от «неонародников и других мелкобуржуазных авторов». Одним из таких «неонародников» был А.В. Чаянов. В то время он являлся одним из главных теоретиков так называемого «организационно-производственного направления российской экономической мысли»²². В

---

¹⁸ *Воронцов В.П.* Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. В 2-х т. М., 1892; *Даниэльсон Н.Ф.* Очерки нашего пореформенного общественного развития. СПб., 1893; *Каблуков Н.А.* Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. М., 1899; *Маслов П.П.* Аграрный вопрос в России. СПб., 1905–1908. Т. 1–2; и др.

¹⁹ *Маслов С.Л.* Крестьянское хозяйство: Очерки экономики мелкого земледелия. М., 1920. С. 284.

²⁰ *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. 4-е изд. Т. 3. С. 164.

²¹ Там же. С. 61–180.

²² *Макаров Н.П.*оборот земли в крестьянском хозяйстве. М., 1918; *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991; *Чаянов А.В.* Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. М., 1924; и др.

отличие от В.И. Ленина, А.В. Чаянов объяснял расслоение в крестьянской среде не усугублением разрыва между бедными и богатыми в результате развития капиталистических отношений. Он считал, что одним из определяющих факторов развития крестьянского хозяйства является состояние крестьянской семьи, а основой крестьянской семьи служит супружеская пара, живущая вместе со своими детьми и родителями. “Таким образом, связь между размером семьи и размером надела на двор мы можем признать связью причинной, в которой *размер семьи* (курсив мой. – С.Я.) играет определяющую роль. Возможно, что и связь, наблюдающаяся между размером семьи и размером аренды, имеет тот же характер”, – писал А.В. Чаянов.²³ Размеры крестьянских семей по разным районам России, согласно по данным А.В. Чаянова, значительно различались.

Эти различия делаются еще более заметным и, если вместо числа душ рассматривать число работников в семье и число ее едоков. В соответствии с биологическим циклом человека (рождением, взрослением, старением и смертью) каждая семья в разные фазы своего развития представляло собой далеко не один и тот же трудовой аппарат.²⁴ Крестьянские семьи, по мнению А.В. Чаянова, не гнались за излишней прибылью. “Будет осторожнее принять... – писал он, что раздел наличного дохода устанавливается... на желании сохранить постоянный уровень благосостояния.”²⁵

До середины 50-х годов изучение аграрного развития России конца XIX – начала XX столетий ограничивалось проблематикой столыпинской реформы или рассмотрением общих вопросов на региональном уровне. Во время «оттепели» попытки теоретического обобщения результатов исследований породили множество научных споров. С новой силой разгорелась дискуссия о двух путях – прусском и американском – развития капитализма в сельском хозяйстве России.²⁶

В 1970-е – 1980-е годы в исследованиях по аграрной истории усилился интерес к региональной проблематике, что обусловило более углубленный анализ материалов местных архивов.²⁷ Особенно Большой вклад внесли авторы

²³ Чаянов А.В. Бюджет крестьянского хозяйства // Очерки по экономике... С. 84.

²⁴ Там же. С. 76-93.

²⁵ Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. Из работ Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики в Москве. М., 1925. С. 166.

²⁶ Анфимов А.М. Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве и его особенности в России // Вопросы истории. 1965. № 7. С. 62–76; Дубровский С.М. К вопросу об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве России и характере классовой борьбы в деревне в период империализма: две социальные войны // Особенности аграрного строя России в период империализма. Материалы сессии Научного совета по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции». Май 1960 г. М., 1962. С. 5–44; Рындзюнский П.Г. Вопросы изучения мелкотоварного уклада в России XIX в. // История СССР. 1963. № 4. С. 95–119; и др.

²⁷ Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881–1904. М., 1980;

монографии «Всероссийский аграрный рынок» И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов.²⁸ Это исследование по аграрной тематике на региональном уровне расширяло научные представления, касающиеся аграрного капитализма в губерниях Черноземья. В книге использован обширный статистический материал, характеризующий процесс формирования аграрного товарного рынка и аграрного капиталистического рынка.

С конца 1980-х до нашего времени для работ по аграрной истории стала характерна более сдержанная оценка уровня развития капитализма в сельском хозяйстве России конца XIX – начала XX вв., но многие уже бывшие советские историки сохранили свое основное марксистское направление исследований.²⁹ Выводы советских авторов в настоящее время подвергаются критическому анализу и переосмыслению, но полного неприятия их в современной исторической науке не наблюдается.³⁰

Наиболее ярким образцом такой реконструкции в российской историографии последнего времени, несомненно, стала фундаментальная книга Б.Н. Миронова по социальной истории имперской России.³¹ Рассмотрев обширный статистический материал в совокупности с первичными этнографическими данными об основных демографических процессах в России XVIII – начале XX в., автор пришел к выводу, что среди русского населения до 1860-х гг. существовала самая расточительная, неэффективная, экстенсивная модель воспроизводства населения. Но все-таки в последней трети XIX – начале XX в.

Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе, 1861–1880. М., 1978; *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968; *Федоров В.А.* Крестьянское движение в центрально-промышленных губерниях России в 1800–1860 годах // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970. С. 308–320; и др.

²⁸ *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в. Опыт количественного анализа. М.: Наука, 1974.

²⁹ *Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М.: РОССПЭН, 2004; *Литуев В.Н.* Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России: Теоретические вопросы, информационная база данных, управление земельным рынком. М.: Собрание, 1997; *Россия сельская. XIX – начало XX века / Отв. ред. А.П. Корелин.* М.: РОССПЭН, 2004; *Власть земли. Традиционная экономика крестьянства России XIX века – начала XX века / Сост., автор теоретического введения и ред. Ю.И. Семенов.* М., 2002. Т. 1; и др.

³⁰ *Бородин Н.П.* Соотношение капиталистической и отработочной систем в помещичьих имениях Черноземного центра в 80–90-х годах XIX века (По материалам земской статистики) // История СССР. 1990. № 2. С. 31–43; *Проскуракова Н.А.* Земельный кредит и система ведения помещичьего хозяйства в России конца XIX в. // Отечественная история. 1994. № 1. С. 43–56; *Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар. Обзор подготовлен А.Ю. Растеряевой // Отечественная история. 1994. № 2. С. 31–59; Слепнев И.Н.* Менталитет и аграрное развитие России в XIX – XX вв. // Отечественная история. 1996. № 1. С. 195–204; *Давыдов М.А.* Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М.: Издательский центр РГГУ, 2003; и др.

³¹ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. 3-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий буланин, 2003.

брачность, рождаемость, смертность несколько снизились, а в результате этого увеличились средняя продолжительность жизни и естественный прирост населения. В целом Б.Н. Миронов считает, что в России шел переход от традиционного к рациональному типу воспроизводства населения. Однако, утверждает историк, несмотря на то, что режим воспроизводства населения в России немного усовершенствовался, он все еще оставался невероятно тяжелым для российских граждан.

До того, как был издан труд Т. Шанина (Teodor Shanin. «The Awkward class»), на Западе почти не было никаких серьезных исследований крестьянства империалистической России. Только труд Г. Робинсона (Geroid Robinson. «Rural Russia under the Old Regime») и, позже, труды А. Герценкрона (Alexander Gerschenkron) считаются исключениями. В своем труде Г. Робинсон описывает бедность и нищету крестьян России XIX в.,³² а А. Герценкрон предлагает свою «модель развития (development model)»: по его теории, в деревне России XIX в. выпуск продукции на душу населения продолжал уменьшаться потому, что не хватало капитала и рынков. Именно это было причиной бедности в деревне.³³

Т. Шанин принимает основные идеи модели А. Герценкрона. И, идя далее, он рассматривает то, как в начале XX в. в деревне России биологическая периодическая циркуляция жизни превратила крестьянство в «неуклюжий и неудобный класс (awkward class)» в ходе капиталистической индустриализации.³⁴ По мнению Т. Шанина, в России капиталистическая модернизация явилась концом крестьянства.³⁵

На Западе переломный момент в изучении российского крестьянства наступил в 1980-ые годы. С 1980-х гг. исследования деревни России конца XIX – начала XX вв. растут и количественно и качественно. Большая часть мнений современных англо-американских исследователей совпадает с мнением Т. Шанина, хотя они критикуют некоторые его идеи, но и среди них существуют различные точки зрения. Они рассматривают крестьянство и в целом, и на региональном уровне. По методологии они двигаются в разных направлениях, т.е. семья и общество, правосудие в деревне, уровень жизни, менталитет и т.д.

На этом основании одни из этих англо-американских русистов-историков, доказывая недостаточность теории А. Герценкрона,³⁶ утверждают, что

³² *Robinson, G.T.* Rural Russia under the Old Regime. Изд. 3-е. Berkeley & L.A., Uni. of California press, 1972. Особенно см. Г. VI. «Hungry village» (с. 94–116).

³³ *Gerschenkron, A.* Economic backwardness in historical perspective. N.Y., 1964; *он же.* Указ. соч. С. 706–800.

³⁴ *Shanin, T.* The Awkward class: Political sociology of peasantry in a developing society: Russia, 1910-1925. Oxford, Oxford uni. press, 1972.

³⁵ *Shanin, T.* The roots of otherness: Russia's turn of century. New Haven, 1985.

³⁶ *Wheatcroft S.G.* Crisis and the condition of the peasantry in late imperial Russia // Peasant economy, culture, and politics of European Russia, 1800-1921. / Ред. Kingstern-Mann, E. и Mixer, T. Princeton: Princeton uni. press, 1991. С. 128–172; *Gregory P.R.* Russian national income, 1885-

крестьянское общество, на самом деле, гибко принимало меры к тому, что нужно было обмениваться общественными ситуациями.³⁷ До них отсталость крестьянского общества обычно считалась одной из самых серьезных причин, мешавших модернизации деревни России. Другие доказывают, что экономическая ситуация крестьян была устойчивой, так как институты деревни, такие как семья и крестьянская община, защищали крестьян от бедности.³⁸

Монографии известного американского специалиста по экономической истории России конца XIX – начала XX вв. Пола Грегори (Paul R. Gregory) отражают интерес автора к проблемам экономического положения России, в том числе сельскохозяйственного.³⁹ Используя массу статистических данных, автор доказывает, что уровень экономического развития России накануне Первой мировой войны был выше, чем это традиционно принято считать. Кроме того, в то время Россия была так капитализирована, что темпы экономического роста страны были сравнимы с темпами роста ведущих стран Запада, так как она была достаточно интегрирована в мировую рыночную экономику.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена, одобрена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России XIX – начала XX вв. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Структура и основное содержание работы

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложений.

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, формулируются цель и основные задачи работы, аргументируются хронологические и географические рамки, дается историография вопроса.

В первой главе «Административно-территориальные изменения и демографическое развитие в центрально-черноземном районе» даются

1913. Cambridge: Cambridge university press, 1982. С. 123–191.

³⁷ Kingstern-Mann, E. Peasant communes and economic innovation: A preliminary inquiry // Peasant economy, culture, and politics of European Russia, 1800-1921 / Ред. E. Kingstern-Mann и T. Mixter. Princeton: Princeton uni. press, 1991. С. 23-51; и см. статьи Worobec, C.D. The Post-Emancipation Russian peasant commune and the Stolypin reforms: Peasant attitudes, 1906-14 // Land commune and the Stolypin reforms: Peasant community in Russia: Communal forms in imperial and early soviet society / Ред. Roger Bartlett. New York: St. Martine's press, 1990. С. 219-236; и др.

³⁸ Wilbur, E.M. Peasant poverty in theory and practice: A view from Russia's 'Impoverished Center' at the nineteenth century // Peasant economy, culture, and politics of European Russia, 1800-1921 / Ред. Kingstern-Mann, E. и Mixter, T. Princeton: Princeton uni. press, 1991. С. 101-127; Bohac, Rodney D. Peasant inheritance strategies in Russia // Journal of interdisciplinary history. XVI, no. 1. Summer, 1985. С. 23–42; и др.

³⁹ Gregory P.R. Russian national income, 1885-1913. Cambridge: Cambridge university press, 1982; он же. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки / Пер. с. англ. М.: РОССПЭН, 2003.

основные обстоятельства центрально-черноземного района с конца XVI до начала XX вв., т.е. природные особенности, происхождение административно-территориальных и демографических изменений.

Воронежская и Тамбовская губернии находятся в центральной земледельческой полосе Европейской России. Обе губернии очень богаты текучими водами, включая мелких ручьев, рек и речек насчитывается полторы тысячи.

Климат Воронежской и Тамбовской губерний умеренно континентальный. Весна приходила быстро и неожиданно и сопровождалась наводнением. Лето жарко, а осень сравнительно длинна и влажна. Зима обычно суровая и снежная, но иногда бывает достаточно мягкая зима.

Не смотря на то, что количество осадков в году было достаточно для растительности и полевой культуры, на самом деле, крестьяне страдали от нехватки влаги, которая в течение растительного периода была нужна. Потому что выпадение осадков резко колебалось против нормального среднего размера других нечерноземных районов. Кроме того, число дней с осадками было меньше, чем в пределах нечерноземных районов.

Следует отметить еще один неблагоприятный для растительности характер климата в пределах черноземного района. Это высокая температура, яркие солнечные лучи и сухие жгучие юго-восточные ветры в летние месяцы. Особенно, юго-восточные ветры, так называемые “суховеи”, неблагоприятно влияли на растения, в том числе культурные.

В конце XIX в. климатические условия в пределах черноземных провинций ухудшались. Совокупность различных климатических явлений ставила крестьян в крайне неблагоприятные условия. Например, засуха 1891 года, начинавшего со второй половины июня 1890 г. Кроме того, эти чрезвычайные метеорологические явления носили не временный, а постоянный, продолжительный характер. В результате этого, в течение десяти лет с 1891 по 1901 гг. эта часть Европейской России страдала от неурожая.⁴⁰

К началу XIX в. *административные границы* районов в Российской империи существенно менялись несколько раз. В конце XVI – начале XVII вв. Московскому государству удалось расширить территорию на юг в лесостепь между Днепром и Волгой. В этой новой воссоединенной территории основывались многие укрепленные города для того, чтобы сохранять эти земли от набега Крымских татар. Как один из этих укрепленных городов, в 1586 г. на Дону велено было поставить город Воронеж, а в 1636 г. – город Тамбов.⁴¹

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 9ч. 27л. Б. Л. 4.

⁴¹ Кириков С.В. Человек и природа восточно-европейской лесостепи в X–начале XIX в. М.: Наука, 1979. С. 33, 34, 55, 57.

Для большинства городов этих двух провинций характерна функция города-крепости, где большую часть населения составляли крестьяне. До конца XVIII в черноземном районе большинство городов представляло собой большие деревни.

Не только Московское государство, но и Российская империя также продолжали территориальное расширение, поэтому их провинциально-территориальные границы также постоянно изменялись. В Воронежской губернии последние административно-территориальные изменения сложились к 1824 г., а в Тамбовской – к 1803 г.

Воронежская губерния делится на три части по *особенностям народонаселения*. Первая часть является северными и западными уездами, в которые сравнительно рано началось переселение. Плотность населения была довольно высокая, и большинство населения состояло из свободных и государственных крестьян, предками которых являлись служилые люди. Вторая часть является южными уездами, в которые переселение началось сравнительно позже. Инициативу переселения взяло на себя дворянство, в том числе украинское. В результате этого, большинство населения в этих уездах составляли бывшие помещичьи крестьяне. Плотность населения была сравнительно низкой. Третья часть представляет собой юго-западные уезды, в которые в первой половине XVII в. шел поток переселения украинцев-беженцев. Плотность населения этих уездов была сравнительно высокой.

Тамбовская губерния делится на четыре части. Первой частью являются северные и восточные уезды. Так как почва здесь не очень благоприятная для земледелия (нечерноземная и лесная), несмотря на то, что местность является самым старым заселенным участком, до конца XIX в. плотность населения была самая низкая в губернии. Вторая часть представляет собой местности по старой оборонной линии. Большинство населения составляли свободные и государственные крестьяне, “и крепостное право здесь не получило такого развития, как в нечерноземно-лесной северной половине губернии”⁴². Плотность населения была сравнительно высока. Как в Воронежской губ., в Тамбовской губ. южные уезды губернии заселились помещичьими слободами. Но в самую южную часть губернии до конца XVIII в. еще продолжались переселения из-за отсутствия сообщения, которое соединяет это место с рынками. Так как земля была собственностью государства, Императорское правительство могло переселить из северных уездов малоземельных государственных крестьян.⁴³

До конца XVIII в. общее количество *населения* в черноземной полосе

⁴² Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 14. С. 6.

⁴³ Там же.

увеличивалось, и эта тенденция продолжалась и после отмены крепостного права. Только число дарственных крестьян до конца XIX в. фактически не увеличивалось. Однако следует сказать, что независимо от увеличения общего количества населения, масштаб средней семьи уменьшался во всех категориях крестьян, которые состоят из быв. государственных и быв. владельческих, и последние снова делятся на две части, помещичье собственники и помещичье дарственные. К концу XIX в., во всех категориях крестьян количество членов средней семьи приближается к 6 чел., т.е. два старика, родители и два потомка. Это означает, что хозяйственное положение быв. государственных крестьян, у которых до 1861 г. средняя семья составляла более 10 чел., также как быв. владельческих, ухудшалось.

Таким образом, если уменьшение средней семьи у помещичьих собственников и, более того, быв. государственных крестьян развивалось параллельно с увеличением населения, то у помещичьих дарственных этот процесс происходил без увеличения населения. Уменьшение членов семьи, особенно, мужчин означало потерю рабочих рук, с одной стороны, и потерю наделных земель, с другой.

Вторая глава «Хозяйственное положение крестьян в Центрально-черноземных губерниях в 1880-1905 гг.» содержит три параграфа, в которых рассматриваются модификация частного и крестьянского землевладения, структура крестьянского землепользования, развитие рыночных отношений и изменение крестьянской экономической ситуации Воронежской и Тамбовской губерний в конце XIX – начале XX вв.

Модификация частной земельной собственности и развитие крестьянского землевладения Воронежской и Тамбовской губерний в конце XIX – начале XX вв. С 1877 по 1905 г. в Воронежской и Тамбовской губернии число владений увеличивалось, и площадь *частной земли* уменьшалась, и, следовательно, средняя площадь земли резко уменьшалась. Однако владельцы частной земли состоят из различных сословий, от дворян до крестьян. С тех пор, как отменили крепостное право, в Воронежской и Тамбовской губерниях, как и по всей России, земля становилась предметом независимой купли-продажи. Таким образом, дворянская монополия на землю прекращалась и началась ее свободная продажа. Это вело к перераспределению земельного фонда между различными социальными категориями: дворянами, купцами, мещанами, крестьянами. Верхние сословия держали большинство земельной собственности, но их доля с течением времени уменьшалась, а количество земельной собственности, которую имели низшие сословия, увеличивалось.

Что касается *земельного фонда у крестьян*, прежде всего, общее количество

земли увеличивалось, но площадь наделной земли, которая влияла на экономическое состояние большинства крестьян, уменьшалась. Поэтому крестьянским общинам и товариществам в Воронежской и Тамбовской губ. пришлось покупать землю для того, чтобы дополнять сокращенную часть десятины наделной земли. Это было еще важнее, поэтому считается, что число крестьянских дворов в общинах резко выросло.

Тем не менее, хозяйственное положение крестьян постоянно ухудшалось. Крестьянские общины дополняли нехватку наделной земли с помощью купчей земли, но это не было гарантией стабильности хозяйственного положения крестьян. Потому что, не смотря на то, что в конце XIX – начале XX крестьянские общины имели равное количество земли с помощью купчей земли, число крестьянских дворов, которым нужно делить земли, росло быстрее.

Самым основным фактором, который играл важную роль в увеличении земельного фонда крестьян, является земля в частной и личной собственности у крестьян. В Воронежской и Тамбовской губернии число крестьянских владельцев, имеющих частную землю, увеличивалось, а количество их земли росло еще быстрее. В течение 30 лет средняя площадь частной земли выросла в 1,9 раза в Воронежской губ. и в 1,6 раза в Тамбовской губ. Такое движение возглавлялись крестьянами зажиточными и богатыми. Именно они являлись “кулаками и местными товариществами”, в руки которых перешло много дворянской земли.⁴⁴

Крестьянское сословие можно разделить на две части, крестьяне бывшие государственные, в которых включены крестьяне бывшие удельные и крестьяне бывшие колонисты, а также крестьяне бывшие владельческие. Интересно, что в изучаемых двух губерниях число общин у быв. государственных увеличивалось, а у быв. владельческих уменьшалось. Но это не означает, что динамика роста крестьянских дворов обеих разрядов также изменяется. На самом деле, в течение 30 лет число крестьянских дворов выросло и в быв. государственных, и в быв. владельческих.

Следует сказать, что число дворов выросло в этих двух крестьянских разрядов, а рост этого числа у быв. государственных был больше, чем у быв. владельческих. В результате этого в течение 30 лет доля дворов быв. государственных крестьян к общему числу увеличивалась, а доля быв. владельческих уменьшалась.

Другой особенностью крестьянских общин в этих черноземных губерниях является то, что величина общины в этих черноземных губерниях увеличивалась. Кроме того, величина общины у быв. государственных была больше чем у быв. владельческих. Иными словами, в обеих провинциях средняя

---

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 9ч. 27л. Б. Л. 4.

величина общины двух крестьянских разрядов выросла, а среднее число дворов в одной общине у быв. государственных было в 3 раза больше, чем у быв. владельческих.

Сравнивая данные 1877 г. с данными 1905 г., можно увидеть, что в изучаемых двух черноземных провинциях доля *купленной крестьянскими общинами и товариществами земли* резко выросла. По расчетам купленной крестьянскими обществами и товариществами земли видно, что разница в наделной земле между быв. государственными и быв. владельческими углубляется, потому что большинством купленных земель владели быв. государственные крестьяне.

Анализ количества *арендной земли* явно показывает особенность арендной структуры у крестьян. В изучаемых губерниях, естественно, группой крестьян, которые снимали самое большое количество земли, являлись дарственники, у которых было самое меньшее количество наделной земли. Однако, если анализируется арендное положение по двум большим категориям, т.е. по быв. государственным и быв. владельческим, средняя площадь арендной земли по хозяйствам, снимавшим земли, у государственных крестьян была немного больше, чем у быв. владельческих. Иначе говоря, быв. государственные крестьяне, несмотря на то, что они уже держали достаточное для жизни своих семей количество земли, еще арендовали земли у соседей и землевладельцев.

Изменение структуры крестьянского землепользования Воронежской и Тамбовской губерний в конце XIX – начале XX вв. Прежде всего, следует сказать, что общая площадь пахотной земли увеличивалась, а *лес, луг, выгон и т.п.* уменьшались. Постоянный земельный голод заставлял крестьян искать всевозможные источники расширения посевных площадей. В сферу активно используемых сельскохозяйственных угодий вовлекались имевшиеся в наделах неудобные, нераспаханные, целинные и заброшенные земли, луга, пастбища, лесные массивы.

Следует сказать, что структуры *землепользования* у дворян и у купцов были разные. Другими словами, дворяне на 100 дес. своих собственных земель сдавали 30–35 дес. в аренду, а купцы – меньше 15 дес. Это означает, что по сравнению с дворянством купечество более активно и непосредственно управляло свои земельные фонды. Кроме того, учитывая то, что площадь дворянских земель составляла более двух трети из общей площади частных земель, можно судить, что большинство сдаваемых в аренду земель было дворянские земли.

Рассматривая распределения земли у крестьян, можно увидеть, что в Воронежской и Тамбовской губ. общая площадь использовавшейся крестьянами земли постоянно уменьшалась. Общая площадь пахотной земли и пастбищ в двух губерниях также уменьшалась. Тем не менее, из-за уменьшения общей

площади земли, использовавшейся крестьянами, доля пахотной земли в общей площади увеличивалась.

В XVIII в. несмотря на отдельные попытки *развития систем земледелия* перейти к более рациональной системе земледелия с использованием травосеяния, обдуманного чередования сельскохозяйственных культур с учетом их химического состава и влияния на почву, в крестьянском хозяйстве преобладающей системой во второй половине XIX в. в черноземных районах являлось трехполье. Им не удалось внедрить новые методы. Главной причиной этого является консерватизм крестьян.

Консервативный взгляд русского крестьянства на сельскохозяйственную технику продолжал существовать и в XIX в. Отличие состоит в том, что раньше “русское крестьянство постоянно сталкивалось с необходимостью более или менее регулярного забрасывания старых, выпаханных, и освоения новых земель”⁴⁵, а в XIX в., когда уже не было свободных земель, крестьянам пришлось пользоваться другими способами, т.е. арендой земли.

Анализируя данные крестьянских дворов и *лошадей* с 1882 по 1905 г., мы можем сделать несколько выводов. Во-первых, до начала XX в. в деревне России стихийные бедствия оказывали большое влияние на жизнь крестьян. Как показывают данные 1893 г., после неурожая 1891 г. в Воронежской и Тамбовской губ. доля безлошадных и однолошадных дворов к общему числу достигла две трети, и, соответственно, доля остальных категорий значительно уменьшалась. Например, в 1893 г. пропорция сокращения лошадей у землевладельцев к 1888 г. в Воронежской губ. составляла 87,6% в Воронежской губ. и 95,6% в Тамбовской губ., а пропорция у крестьян в Воронежской губ. – 67,7%, и 71,1%, соответственно.

Следует сказать, что, хотя из-за неурожая 1891 г. в 1893 г. число владельцев и лошадей значительно уменьшалось, основная тенденция в Воронежской и Тамбовской губ. с конца XIX до начала XX вв. была увеличением числа владельцев и лошадей.

Во-вторых, несмотря на то, что до 1905 г. крестьяне не смогли восстановить прежнюю (1888 г.) пропорцию среди крестьянских категорий по числу у них лошадей, они пытались сохранить лошадей. Это означает что до начала XX в. главным фактором для земледелия являлась лошадь, а не какие-то современные орудия или машины.

В-третьих, следует сказать, что, несмотря на оставление количества населения и скота, количество крестьянских дворов увеличивалось. Даже в данных 1893 г. пропорция числа крестьянских дворов к 1888 г. увеличивалась

---

⁴⁵ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. С. 35.

на 105,2% в Воронежской губ. и на 103,3% в Тамбовской губ. Поскольку это явление произошло без увеличения населения, это означает увеличение мало-лошадных дворов.

И последнее, в таких обстоятельствах почти 60% крестьянских хозяйств не смогли держать минимальное число лошадей, т.е. 2 головы лошадей. Другими словами, в конце XIX – начале XX вв. в центрально-аграрных районах на 10 крестьянских дворов 6 страдали от нехватки рабочего скота.

Число *мало-лошадных хозяйств и не имевших ни одной лошади* в Черноземье из года в год увеличивалось. Прежде всего, это произошло по причине увеличения семейных разделов. После 1861 г. семья разделялась чаще всего по личным причинам. Вследствие этого, семья дробилась и мельчала. Экономическое положение у этих ново созданных семей было очень слабо. Но, несмотря на экономическую невыгодность, этот процесс не останавливался.

Развитие рыночных отношений и изменение крестьянской экономической ситуации. В Воронежской и Тамбовской губ. крестьянские хозяйства из года в год связывались с рынками. В XIX в. главные товары в этих провинциях были, прежде всего, продукты сельскохозяйственные и животноводческие, кроме того, спирт и продукты кустарных промыслов. Товары везли в основном по рекам, а после того как были проложены железные дороги количество товаров, грузившихся по железнодорожному сообщению, год за годом увеличивалось. В середине XIX в. в Воронежской и Тамбовской губ. более 80% товаров, вывозившихся по рекам, были хлеб и спирт.

Исключительную роль в жизни черноземной деревни играло *зерновое производство*. В числе других черноземных губерний, Воронежская и Тамбовская губ. по праву считались житницей Европейской России. Земля очень плодородная, потому сеяли разнообразные хлеба.

Несмотря на ухудшение хозяйственного состояния крестьян, вывоз хлебов из Черноземья увеличивался. Накануне отмены крепостного права абсолютные значения вывоза главных четырех хлебов, т.е. пшеницы, ржи, овса и ячменя существенно колебались в отдельные годы, но вместе с тем обнаружили тенденцию к увеличению. А после 1861 г. эти числа стабильно увеличивались. Реформы давали свободу не только крестьянам, но и торговцам хлебом. По сравнению с периодом до отмены крепостного права, после 1861 г. общее количество вывоза пшеницы, ржи, овса и ячменя по итогам пятилетия быстрее выросло. Темп роста вывоза продолжался до начала XX в., кроме голода 1891 г.

Крестьянское зерновое производство постепенно втягивало деревню Воронежской губернии в новые торговые отношения, усиливало капитализацию сельского хозяйства. Не только землевладельцы, но и крестьяне в общинах также стремились к производству и реализации на рынке большего количества

товарной продукции путем разнообразия хлебных злаков.

Правда, появление хлеба каждую осень на базарах вовсе не указывало на его избыток. По различным причинам (налоги, долги, арендные платы и т.п.) крестьяне осенью продавали хлеб по низкой цене, а зимой и весной им приходилось покупать хлеб уже по довольно высокой. Этот порочный круг повторялся особенно среди бедных и средних крестьян, не имевших, кроме земледелия, других источников доходов.

Кроме того, зерно было сырьем для *винокурения*. В Воронежской и Тамбовской губ., как в других губерниях Среднего Черноземного района, винокурение являлось одной из самых главных отраслей промышленности. До конца XIX в. в черноземных районах количество выкуренных спиртов не уменьшалось.

Вместе с различными пищевыми хлебами, в Воронежской и Тамбовской губ. было распространено разведение *технических культур*, т.е., картофеля, свеклы сахарной, табака, конопли и т.д. Вследствие этого, в этих губерниях винокуренные и сахарно-производственные заводы и фабрики, кроме мелких кустарных производств, являлись главными промышленными заведениями, где нанималось большое количество рабочих.

В конце XIX – начале XX состояние в *хозяйственном положении крестьян* в Воронежской и Тамбовской губ. приводит к углублению расслоения общества на богатых и бедных. С одной стороны, множество крестьянских семей страдало от бедности, с другой, меньшинство улучшало свое материальное положение. Между ними существовал средний слой, к которому принадлежало немало крестьянских семей, но их экономическое положение не было стабильно. Иными словами, экономическое положение средних крестьян в значительной степени зависело от различных бедствий, т.е. неурожая, эпидемии, грабежей, пожара и т.п., и, на самом деле, эти бедствия часто приводили к разорению хозяйств.

В третьей главе «Дифференциация крестьянства в Воронежской губернии по данным книги Ф.А. Щербины «Крестьянские бюджеты»» для рассмотрения используется не только макро-анализ, как среднее число, но и более детально анализируются существенные состояния и причины различий экономических структур среди крестьян, и, вследствие этого, экономическая ситуация крестьян того времени выясняется более объективно. Следовательно, с помощью этого анализа, можно выяснять: во-первых, можно ли, применяя традиционные методы исследования, получить объективную картину экономического положения крестьянства, во-вторых, объясняется ли, что крестьянство в России конца XIX – начала XX вв. находилось в особенной социально-экономической ситуации.

Перегруппировка данных Ф. А. Щербины. В книге «Крестьянские бюджеты» Ф.А. Щербина разделил 230 крестьянских хозяйств на пять групп по надельным землям. Но трудно утверждать, что традиционные методологии классификации крестьян по надельным землям являются самой подходящей характеристикой в анализе крестьянских хозяйств. В деревне Европейской России изучаемого периода община периодически делила земли по числу рабочей силы, особенно по числу взрослого мужского населения.⁴⁶ Дело в том, что анализ по надельным землям не дает объективную характеристику для определения бедности и богатства крестьян. В действительности, в крестьянских бюджетных данных можно найти зажиточные (и даже богатые) хозяйства, у которых мало наделов, или наоборот – бедные хозяйства, у которых много наделов.

Следовательно, если крестьянские хозяйства ранжируются по размеру надельных земель, представления о хозяйственном положении каждой группы могут сильно расходиться с реальной действительностью. И разница увеличивается, если в анализе используется только среднее число без детального рассмотрения причин групп бюджетных данных.

Таким образом, вместо классификации по надельным землям требуется другая классификация, которая реально отображает положение крестьян. К счастью, в бюджетных данных не только расход и приход каждого крестьянского хозяйства, но и все остальное имущество, кроме земли, вычисляются в рублях. Используя данные о приходе текущего года, доходах и имуществу в расчете на одного едока хозяйства, можно перегруппировать 230 хозяйств из статистического исследования Ф.А. Щербины.⁴⁷

Для того, чтобы *перегруппировать данные по крестьянским хозяйствам* в воронежских бюджетах, сначала складывали четыре числа, т.е. имущество, пересчитанное в рублях, по одному двору, имущество на душу обою пола, валовой доход по одному двору, валовой доход на душу обою пола. Затем по этим данным переставили 230 хозяйств с первого до 230-ого по их экономическому положению, т.е. в их имущественном и доходном порядке. И эти вновь расположенные 230 хозяйств делили на две части по хозяйству № 45, которое является последним двором, о котором в крестьянских бюджетах пишется “Семья живет бедно”⁴⁸. Затем, для удобства сравнения, делили каждую их этих двух части на похожие по объему три части. В итоге получали всего

---

⁴⁶ *Щербина Ф.А.* Крестьянские бюджеты... С. 212. Существенный пример в данных Ф.А. Щербины – крестьянское хозяйство № 21.

⁴⁷ Американский ученый Е.М. Вилбур также подобно делит данные Ф.А. Щербина. Об этом см.: *Wilbur E.M.* Peasant poverty in theory and practice: A view from Russia's 'Impoverished Center' at the nineteenth century... С. 110–111.

⁴⁸ *Щербина Ф.А.* Указ. соч. С. 219.

шесть групп (группы I, II, III, IV, V, VI).

Структура трудовых ресурсов, земли и рабочего скота по крестьянским группам. *Структура рабочей силы крестьянства.* В Воронежской губернии конца XIX в. бедность и богатство крестьян тесно связаны с числом семейных работников. Однако это соотношение не влияло одинаково на все 230 хозяйств. Влияние числа семейных работников, действовавшее на крестьянское хозяйство, переходя к первой группе, увеличивается, а, к шестой группе, уменьшается. Такое явление подтверждается тогда, когда рассматривают состояние крестьянских хозяйств, которые переживают демографическую трудность от недостатка семейных членов. Большинство хозяйств в низших по экономическому положению группах не имело достаточного числа семейных работников, и этот недостаток рабочей силы, следовательно, был самым большим препятствием, которое мешало крестьянским семьям избежать бедности. Интересно, что в высших группах также были хозяйства, переживающие недостаток семейных членов, но их хозяйственное положение было стабильно и зажиточно. Хозяйства, принадлежащие группам I, II, III, из 230 хозяйств, в бюджетных данных не имели возможности нанимать работников, поэтому они только зависели от семейных рабочих сил. В отличие от этого, в высших группах не только хозяйства, которые нуждаются в дополнительной рабочей силе, но и хозяйства, которые имеют достаточное число семейных работников, набирали наемных работников.

Структура крестьянского землевладения и землепользования. В крестьянстве Воронежской губернии конца XIX в. существовали хозяйства бедные, средние и богатые. Структура владения землей крестьянами подтверждает этот факт. В основном, различие в площади наделной земли не уменьшалось в пункте “чисто пользующей земли”, а наоборот – увеличивалось. Вместе с этим, теория А.В. Чаянова, основанная на анализе площади сданной и арендной земли, не подходит к изучению крестьянского положения Воронежской губернии. Хозяйства в низших по хозяйственному положению группах сдавали в аренду даже свои наделные земли, а в высших группах, в отличие от того, как утверждает А.В. Чаянов, “раздел наличного дохода устанавливается на равновесии производственных и потребительских оценок или, что точнее, на желании сохранить постоянный уровень благосостояния”⁴⁹, крестьянские хозяйства арендовали землю для получения еще большей выгоды. Таким образом, для бедных крестьянских хозяйств аренда земли не была способом жизни, а для богатых – предметом погони за прибылью. И факт того, что экономическая разница между крестьянскими семьями происходит от различия не в наделной, а в арендной земле, говорит о том, что арендная земля была

---

⁴⁹ Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства... С. 166.

главным средством для получения выгоды.

Структура владения и пользования рабочим скотом, орудия сельского хозяйства и промышленности. В Воронежской провинции вола вместе с лошадьми являются главным рабочим скотом. Из-за исторической особенности этого региона, т.е. географического расширения России в XVII в. и заселения малорусов за границу Московского государства, при рассмотрении положения владения крестьянами рабочего скота в Воронежской губернии, необходимо принимать во внимание число и лошадей, и волов, используемых в крестьянских хозяйствах. В бедных крестьянских семьях, независимо от их этнического состава, не хватало лошадей и волов. Но в средних и зажиточных хозяйствах держали требуемое число или лошадей или волов, а некоторые имели и то и другое.

Сумма *рабочего инвентаря* в рублях повторяет положение, разобранные выше в пунктах рабочей силы, землевладения и владения скота. Все эти шесть групп разделяются на две части. В первое множество входят группы I, II, III, во второе – остальные. Различие возникает в том, какие орудия крестьянские хозяйства имеют, т.е. либо тяжелые и эффективные орудия, для управления которыми нужно было много работников и рабочего скота, либо основной и легкий инвентарь. В сущности, такие земледельческие орудия, как соха и борона, имеются почти во всех крестьянских хозяйствах, но, переходя к богатым группам, число плугов, молотилок, веялок, грохотов, рал и т.п. увеличивается.

Структура доходов по крестьянским слоям, бедность и богатство среди крестьян в Воронежской деревне. *Структура доходов и классификация крестьян.* Как выше анализируется, среди крестьянских хозяйств по данным Ф.А. Щербины существуют и бедные и богатые. Такая разница по хозяйственному положению создана сельскохозяйственной структурой в каждой крестьянской семье.

Хозяйства в I группе оказались в затруднительном положении потому, что, занимаясь только земледелием, невозможно содержать семью. Семьям в этой группе не хватало факторов для обработки земли, т.е. рабочей силы, рабочего скота и земли. В этой группе также были хозяйства, которые имели не достаточное количество наделной земли, и даже не имели наделной земли. Многие из них сдавали свои наделные земли в аренду, потому что, с одной стороны, количество наделной земли было не достаточно для содержания семьи, с другой, им трудно было обрабатывать землю без помощи рабочей силы и рабочего скота, которых у них было недостаточно. Они вкладывали минимальное время в земледелие, а в основном шли в наемные работники, как батраки. Если бедные крестьяне не могли найти работы, они получили

необходимые для жизни продукты, занимаясь нищенством. Крестьяне в I группе перебивались буквально со дня на день.

Хозяйственное состояние семей в группе II почти ничем не отличается от группы I. Семьи, из которых состоит эта группа, также не могли эффективно заниматься хозяйственными делами из-за нехватки рабочей силы, земли, рабочего скота, поэтому многие из них сдавали в аренду свои наделные соседним крестьянам, которые хотят и могут возделывать больше земли, кроме той, что у них была. Как в I группе, крестьяне в II группе не могли поддерживать свое хозяйство только с помощью обработки земли, поэтому многие из них занимались личными промыслами, включая наемные работы.

Переходя к III группе, положение крестьянских хозяйств изменяется в лучшую сторону. Отличаясь от беднейших двух групп, в этой группе доля земледелия в семейном хозяйстве начинает составлять больше, чем доля личных промыслов, и число семей, которые арендуют земли, также увеличивается. Тем не менее, большинство крестьянских хозяйств в этой группе страдали от недостатка рабочей силы и рабочего скота, поэтому в основном пахали свои наделные земли и не пытались брать излишние земли “с промышленной целью”. Другими словами, их хозяйственное состояние было лучше, чем в первых двух группах, но, тем не менее, еще нестабильно.

В группе IV земледелие стало главным предметом для содержания семьи. У крестьян в этой группе было недостаточное количество наделной земли относительно к числу членов семьи, но они арендовали земли у других людей столько, сколько им нужно, и пахали своими силами. Для крестьян в этой группе, как в группе III, аренда земли означает восполнение недостатка. Хозяйственное состояние этих двух средних групп было стабильно по сравнению с низшими по экономическому состоянию группами, но различные бедствия, т.е. неожиданная потеря рабочей, особенно мужской, силы, пожар, неурожай и т.п., угрожали их хозяйствам полным упадком.

Только в группах V и VI получают лучшие результаты, чем среднее число, и крестьянские семьи этих двух групп обладали сравнительно стабильным и зажиточным хозяйственным состоянием. Крестьянские хозяйства в V группе могли содержать семьи только занятием сельским хозяйством. Они имели рабочей силы и рабочего скота больше чем нужно, более того, нанимали еще крестьян-работников. Что касается земли, то у них было достаточное количество наделной земли, но они еще арендовали земли от соседних крестьян или землевладельцев из других сословий. Крестьяне в этой группе имели достаточно факторов, которые нужны для поддержания и улучшения своего экономического положения, и находились в сравнительно зажиточном состоянии.

Крестьянские хозяйства в VI группе занимались сельским хозяйством не только для содержания семьи, но и для увеличения прибыли. Надельной земли у крестьян этой группы уже хватает для жизни семьи, тем не менее, они еще брали в аренду столько земли, сколько у них уже было. Как уже выше было рассмотрено, крестьянские семьи в этой группе обрабатывали надельные земли по двуполью или трехполью с паром, а арендные земли использовали почти все посевными. Это значит, что они обрабатывали намного больше земли, чем можно обработать с помощью своих собственных работников и рабочего скота, поэтому они нанимали наемных рабочих. И, таким образом, они стремились получить прибыль.

Бюджетная структура по крестьянским слоям. Основным источником доходов в Воронежской провинции конца XIX в. был *доход от землевладельческих продуктов и скотоводства*, доля которых к чистому доходу составляет 73,6%. Однако по разным причинам существовали крестьянские семьи, которые меньше опираются на доход от земледельческих продуктов и скотоводства. Рассматривая по группам, увидим, что доля земледельческих продуктов и скотоводства в высших по хозяйственному положению четырех группах к чистому доходу составляет больше 70%, а в низших двух группах – меньше 60%. Нехватка доходов от земледельческих продуктов и скотоводства в группах I и II заставляла крестьянские семьи искать другие источники дохода. У крестьян в группах I и II основным источником дохода, кроме земледелия, это – личные промыслы, в которые включаются, прежде всего, батрачество и остальные мелкие кустарные промышленности.

Число и доля хозяйств, имеющих промышленных заведений, свидетельствует об экономическом отличии между крестьянами в Воронежской губ. конца XIX в. Разница была очевидна огромной. Ни одна крестьянская семья в группах I и II не имела промышленных заведений. А в другом крае была группа VI. Почти половина крестьянских хозяйств в этой группе держала более половины от всех промышленных заведений по числу и по стоимости. Эти хозяйства, имеющие промышленные заведения, получили доход деньгами и продуктами.

Расход на питание является хорошим параметром, с помощью которого можно разобраться в хозяйственном положении крестьян. Суммы расхода на питание, составляющие в группах I и II, подтверждают бедность и плохое питание бедных крестьянских семей. В отличие от этого, крестьянские семьи в V и VI группах потратили на пищу наличные деньги и натуральные продукты больше средней суммы.

Доли наличных денег на пищу к общему расходу, кроме того, дают нам еще один факт. Бедные крестьяне часто сдавали свои надельные земли и не могли обеспечивать себя пищей, им приходилось покупать предметы первой

необходимости для жизни.

Хуже того, недостаток и покупка хлеба в бедных семьях не были временным явлением. Это явление продолжалось по такому циклу: весной текущего года бедная крестьянская семья берет хлеб в долг. После уборки урожая, когда цена хлеба ниже, чем в течение года, ей надо возвращать долг деньгами или натуральными продуктами, кроме того, продать часть хлеба для того, чтобы погасить подати. С оставшимися хлебами ей трудно дожить до следующего урожая, поэтому весной следующего года, когда цена хлеба самая высокая, ей приходится снова брать хлеб в долг.

Еще одной характеристикой является то, что, переходя к бедным группам, крестьянские семьи больше тратили на продукты земледельческие, а, переходя к богатым, – на продукты скотоводства и прочие потребительские товары.

Вместе с этим, учитывая то, что у богатых крестьян расход на пищу по наличной душе больше чем у бедных, крестьянские семьи в низших по хозяйственному состоянию группах пострадали от нехватки продуктов земледельческих и, особенно, продуктов скотоводства и питались плохо, а у богатых крестьянских семей положение с потреблением продуктов было и количественно и качественно лучше.

Вывод. Переменной величиной, касающейся стабильности крестьянских хозяйств в конце XIX в. в Воронежской губ., являлось *число работников и площадь земли*. Для того чтобы поддерживать экономическую стабильность, крестьянская семья должна была устойчиво содержать необходимое число семейных работников. В основном бедные семьи имели работников меньше, чем нужно для поддержания семейного хозяйства. Именно это является главной причиной бедности. Для бедных семей нехватка работников была серьезной проблемой, потому что она непосредственно связана с существованием хозяйства. В отличие от этого, богатые крестьянские семьи, в основном, имели семейных работников больше, чем нужно. Однако и среди богатых существовали семьи, которые страдали от недостатка рабочей силы. Но они могли дополнять требовавшееся число работников с помощью найма крестьян-работников.

Число работников, особенно мужчин, имевшихся в крестьянских семьях, важно не только потому, что семейные рабочие являлись основной рабочей силой в хозяйстве, но и потому, что оно связано с разделением земли в общине. Поскольку в общине наделные земли разделились по числу взрослых мужчин, бедные хозяйства, которые имели мало не только мужских, а всех работников, получали недостаточное для обеспечения жизни семьи количество наделов. Кроме того, нехватка рабочей силы и рабочего скота заставляла множество бедных крестьян сдавать свои наделы в аренду.

В отличие от этого богатые крестьяне, которые, в основном, имели сравнительно много взрослых мужчин, получали большее количество наделов. Однако среди богатых существовали семьи, имевшие мало взрослых мужчин и, вследствие этого, мало наделов. Но они решали эту проблему с помощью аренды земель. Они могли арендовать земли у соседних крестьян или у землевладельцев и обрабатывать эти земли, используя наемных работников. В итоге мы можем сделать такой вывод: для бедных крестьян нехватка работников являлась главной причиной бедности, а для богатых крестьян ее влияние на хозяйственное положение было мало.

Если в Воронежской губ. недостаток рабочей силы являлся основной причиной крестьянской бедности, земля – причиной крестьянского богатства. Из-за нехватки рабочей силы и рабочего скота многие бедные крестьяне сдавали свои наделы в аренду, средние крестьяне, арендуя земли, пополняли недостаток наделов, а богатые, которые имели уже достаточное количество наделных земель, также снимали земли и получали прибыль. Последние, которые уже держали достаточное количество семейных работников и рабочего скота, и нанимали крестьян-работников и обрабатывали свои наделные и арендуемые земли. Анализ структуры скота подтверждает данный вывод. В Воронежской губ. многие бедные крестьяне страдали от недостатка рабочего скота, а богатые держали его достаточно.

Для безземельного, малоземельного, без рабочего скота или с одной лошадейю или парой волов крестьянина наемный труд на земле был и главным источником существования и выживания, и естественным продолжением его прежних занятий на земле. Они, оставаясь владельцами земли, по существу, в течение нескольких пореформленных десятилетий и становились в первую очередь батраками – сельскохозяйственными рабочими. Из самостоятельного производителя сельскохозяйственной продукции бедные крестьяне превращались в работников, которые участвовали в этом же процессе производства, но результатом их труда являлась заработная плата, продовольствие от нанимающей стороны, и при необходимости их обеспечивали жильем. Процесс разорения крестьянских хозяйств из года в год усиливался, и желающих получить работу по найму становилось из года в год все больше, поэтому и на рынке труда в черноземных губерниях возникала конкуренция между продавцами рабочих рук.

В заключении подводятся итоги исследования и формулируются выводы. Анализ различных статистических данных и работы Ф.А. Щербины свидетельствует о том, что в Черноземных районах конца XIX – начала XX вв. хозяйственное положение крестьян было серьезнее, чем полагают некоторые российские и западные историки и экономисты. Они указывают, что прежние

методологии и объяснения о положении крестьянства во второй половине XIX – начале XX вв. склоняются к идеологии, и утверждают более объективные и тщательные исследования. Кроме того, анализируя крестьянство по своей методологии, они раскрывают стабильность крестьянского хозяйства, позитивную роль общины для устойчивости крестьянских семей и т.д., которым советские и старые западные историки мало уделяли внимание, кроме того, несостоятельность старой теории.

Но, к сожалению, их исследования также не могут избежать критики. Если старые исследования опираются на марксистскую идеологию, новые взгляды – на идеологию без марксизма. Вследствие этого, они пропускают бедность, от которой страдали в конце XIX – начале XX вв. многие крестьянские семьи, и процесс дифференциации крестьянства. Как мы рассмотрели, в Черноземных районах в конце XIX – начале XX вв. существовала тенденция к обнищанию и углублению расслоения крестьянского общества на бедных и богатых.

Из 230 хозяйств в данных Ф.А. Щербины 81 (35,2%) были бедными, для части из которых “единственное спасение от бедности было смерть”⁵⁰. Это доказывает, что в Воронежской губ. в конце XIX в. бедность была широко распространена среди крестьян. Часть бедняцких хозяйств, жизнеспособность которых сохранялась и поддерживалась только за счет заработков на стороне, владея ничтожно малыми клочками земли, будучи малосемейными, т.е. с одним работником-мужчиной, с одной или вообще без лошади, старалась остаться на прежнем местожительстве в деревне, упорно цепляясь на землю. Острый дефицит денег, продовольствия, одежды и прочего необходимого для жизнедеятельности каждого человека из этой семьи проводил к тому, что эта часть деревни медленно нищала. В отличие от этой части крестьянства, богатые увеличивали свою прибыль. Некоторые из них, занимаясь только земледелием, арендовали большое количество земель и обрабатывали их. Некоторые занимались только различными видами промышленной деятельности. А некоторые делали и то и другое.

Сравнивая данные Ф.А. Щербины с данными первой всеобщей переписи 1897 г., можно увидеть, что число хозяйств, содержащих менее 5 чел. отражается меньше, а содержащих более 11 чел. – больше. Учитывая соотношение числа семейных работников и хозяйственного состояния, можно предполагать, что доля бедных может увеличиваться, а доля богатых – уменьшаться. Это означает, что в Воронежской провинции бедность была широко распространена, и лишь меньшинство крестьянских семейств могло быть отнесено к богатым. Это подтверждает, что в Воронежской губ., являющейся одним из Центрально-аграрных районов, произошла

---

⁵⁰ *Wilbur E.M.* Указ. соч. С. 112.

дифференциация по их экономической мощности.

Список работ, опубликованных автором, по теме диссертации:

1. Янг Сын Чжо. Крестьянское землевладение и землепользование в конце XIX в. в Воронежской губернии (по данным статистических исследований Ф.А. Щербины «Крестьянские бюджеты») // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2007, № 3. 0,8 п.л. (журнал входит в перечень изданий, рекомендованных ВАК)

2. Янг Сын Чжо. Крестьянство и крестьянское хозяйство России конца XIX – начала XX вв. в российской и англо-американской историографии // Актуальные проблемы социологии, экономики и политологии на пороге XXI века: Материалы IV международной конференции молодых ученых гуманитарных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова. М., 2002. (0,3 п.л.)